

Историк и правитель: интерпретация действительности

В статье анализируется изображение Аммианом Марцеллином деятельности императора Констанция II, отношение к которому в антиковедении достаточно неоднозначно. Автор стремится понять истоки иногда противоречивых суждений выдающегося римского историка об этом правителе.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Констанций, Юлиан, Урзицин, император, деяния, биография, историография.

Аммиан Марцеллин был современником и свидетелем правления нескольких римских императоров. Их деятельность получила освещение в труде этого выдающегося историка. Наибольшее внимание в нем уделено Констанцию II, так как он достаточно долго находился у власти: с 323 г. в должности цезаря вместе со своими братьями Константином и Криспом, в 337 г. вместе с Константином II и Константом был провозглашен Августом, с 350 по 361 г. правил единолично. И на период единоличного правления Констанция приходится служба Аммиана в римской армии, когда у него были довольно широкие возможности по сбору информации, что и нашло отражение в тексте «Деяний».

Фигура Констанция II, находившегося в тени затмевавшего его современника Юлиана, который получил в христианской литературе прозвище Отступника, до последнего времени привлекала мало внимания исследователей, а в общих работах достаточно часто оценивалась негативно¹. В последнее время в антиковедении наблюдается больший интерес к этому правителю, удовлетворить который в значительной степени может труд Аммиана Марцеллина, бывшего свидетелем, а иногда и участником описываемых событий.

Сочинение Аммиана – сложное произведение, впитавшее в себя лучшие античные традиции, сочетает историографические начала и биографические элементы. В антиковедении продолжается дискуссия о том, к какому из этих жанров ближе «Res gestae»². Представляется, что правы те исследователи, кто считает стиль «Деяний» оригинальным и независимым³, труд Аммиана Марцеллина историческим, но, конечно, с биографическими моментами. Не только потому, что в императорский период значимые явления концентрируются вокруг персоны правителя, но и из-за не прямых способов создания автором портретных характеристик через описание жизненного пути субъекта, его отношения к событиям, его речей, опыта, действий и достижений, что рисует более реалистичскую и полную, и вместе с тем более детальную, картину действительности⁴. Впрочем, и характером политических деятелей Аммиан тоже интересуется, но только в так называемых эпилогах⁵.

У Аммиана Марцеллина встречается довольно много негативных суждений об императоре Констанции, поскольку именно этот период его правления освещен в сохранившейся части текста «Деяний». Главные обвинения, которые историк предъявляет правителю, сводятся к его чрезвычайной подозрительности, склонности верить любому слуху о злоумышлении против его власти, зависимости от мнения приближенных. Две трети описания пороков в некрологе Констанция занимает его реакция на подозрения или попытки узурпации⁶. Аммиан утверждает: «Всякий донос, сомнительный или даже заведомо ложный, он принимал за чистую монету <...>. И как на болезненный организм сильно действуют даже ничтожные потрясения, так он, при своей ограниченности и подозрительности, все, о чем ни доходили до него вести, считал совершенным или задуманным на гибель ему, и убийствами невинных делал кровавым свое торжество. Стоило только возникнуть слуху, что кто-нибудь из военных чинов или гражданских властей, или просто какой-нибудь видный в своей среде человек стоял на стороне вражеской партии, как его заковывали в цепи и тащили, как дикого зверя, хотя бы с обвинением выступал личный недруг данного человека, или даже не оказывалось обвинителя вовсе; словно было достаточно, что его называл слух, что был сделан донос, что он отдан под суд, чтобы произнести над ним смертный приговор, присудить к конфискации имущества или к ссылке на острова. К жестокости императора в случаях, когда речь шла об умалении или оскорблении величества, и к его вспыльчивости и возбужденной подозрительности присоединялась кровавая лезть придворных, которые преувеличивали разные случайные происшествия и притворно выражали глубокую скорбь

по поводу опасности для жизни государя, от благоденствия которого, по их льстивым заявлениям, непосредственно зависит благосостояние вселенной. Поэтому когда ему подносили на утверждение, согласно обычаю, приговор, он никогда, как рассказывают, не миловал осужденных за эти и тому подобные проступки» (*Amm. Marc.* XIV. 5. 1–5; 9. 1; XV. 5. 5; 9. 3; XVI. 8. 10; 12; XIX. 12. 5; 9; 16; XX. 2. 2; XXI. 16. 8–10). Еще один повторяющийся мотив в характеристике Констанция – его победы в борьбе с соперниками за власть и постоянные поражения в конфликтах с другими народами: «Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых» (*Amm. Marc.* XVI. 10. 2); «Насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах и был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства» (*Amm. Marc.* XIV. 10. 16; XVI. 10. 2; XXI. 16. 15; XIX. 12. 16; XX. 11. 32; XXI. 1. 2). Иногда Аммиан Марцеллин умалчивает о фактах, положительно характеризующих императора. Так, он не сообщает о желании последнего отменить смертный приговор цезарю Галлу и о том, что приказ был послан, но опоздал⁷.

При анализе суждений подобного рода возникает вопрос о степени их объективности. Проблема достоверности исторического источника всегда имеет первостепенное значение. Если же таковым является историческое сочинение, то чрезвычайно важно попытаться понять, почему его автор в тех или иных случаях мог быть субъективен, так как полностью беспристрастных текстов не существует.

По мнению многих авторитетных исследователей творчества Аммиана Марцеллина, его труд в целом достоверен и объективен, трактовка событий, как правило, основывается на очевидных доказательствах⁸.

Большое значение историк придает источникам изложенной им информации и утверждает, что свой труд (по крайней мере, его сохранившуюся часть, освещающую события времени его сознательной, взрослой жизни) он писал как на основе того, что довелось ему видеть как современнику, так и того, что можно было узнать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе (*Amm. Marc.* XV. 1. 1; 9. 6; XXII. 8. 1; XXII. 15. 1; XXVII. 4. 2). Глубокая осведомленность в делах империи и компетентность в их интерпретации обусловлены служебной деятельностью Аммиана Марцеллина, который в течение не менее семи лет был протектором-доместиком под началом маги-

стра конницы на Востоке Урзицина и был чрезвычайно ему предан (*Amm. Marc.* XIV. 9. 1; XV. 5. 22; XVIII. 6. 5; XIX. 8. 12).

Но не всегда причастность Аммиана Марцеллина к тому, что он позже описывал, способствовала усилению объективности повествования. Видимо, против воли автора личные мотивы и пристрастия проникали в текст. Историк страстно обвиняет императора Констанция в недоброжелательном отношении к своему любимому командиру, а его окружение в злостных интригах против него, но степень их козней явно преувеличена, так как во всех действиях Констанция по отношению к Урзицину Аммиан усматривает тайный смысл. Он пишет: «возбуждено было обвинение в оскорблении величества против Урзицина, и зависть, враг всех хороших людей, все более настойчиво стала покушаться на его жизнь. Положение Урзицина было тем труднее, что император был глух к справедливой и основательной защите, но чрезвычайно восприимчив к разным тайным наветам интриганов, которые внушали ему, что имя Констанция совершенно забыто на Востоке империи и что там все с вожделием ожидают Урзицина как человека, внушавшего страх персам» (*Amm. Marc.* XV. 2. 1–6; XV. 5. 19; XX. 2). По словам Аммиана, «его завистники сумели возбудить тяжкое подозрение против него у Констанция, который вообще был сносный государь, но стоило кому-нибудь, хотя бы и безвестному человеку, шепнуть ему на ухо что-нибудь подобное, как он становился жесток, неумолим и вообще в делах подобного рода не похож на себя» (*Amm. Marc.* XIV. 9. 2).

Натянутые отношения непосредственного начальника с императором были не единственным фактором, усугублявшим негативное отношение историка ко всем действиям правителя. Признанным кумиром автора «Деяний» является Юлиан⁹. Аммиан горячо и страстно возмущается тем, что Констанций приписывал себе победы, одержанные Юлианом, впрочем, как и другими полководцами (*Amm. Marc.* XVI. 12. 69–70). Но это было обычным правилом по отношению к тем, кто сражался под auspiciis императора¹⁰. Да и сам Аммиан Марцеллин, сообщая о выигранных Валентинианом I сражениях, только в конце упоминает, что реально это было сделано его полководцами (*Amm. Marc.* XXX. 7. 7–11).

Несколько предвзятое отношение автора к отдельным лицам, вероятно, привело к тому, что не только изображение отдельных событий в «Деяниях» могло быть весьма односторонним и даже искаженным, но и сложилось общее представление о том, что главной причиной атмосферы тотальной подозрительности, неопределенности и жестокости был характер Констанция, что, по-видимому, явилось истинным отражением собственного опыта историка¹¹.

Свидетельством того, что Аммиан – выдающийся историк и труд его в целом, действительно, достоверен и объективен, является то обстоятельство, что, несмотря на его враждебность к Констанцию, которого он, видимо, считал архетипичным тираном¹², в его собственном труде можно найти опровержения суждений об этом императоре. Давно доказано, что встречающиеся в сочинении Аммиана противоречия не были следствием механического соединения предшествующих источников¹³, а являются результатом борьбы искреннего стремления к объективности в описании событий и определенной пристрастности, от которой он был несвободен. Вряд ли можно согласиться с тем, что антихристианская составляющая усугубила субъективность некоторых частей текста «Деяний», как считают некоторые исследователи¹⁴, скорее сыграли свою роль личные мотивы.

Так, Аммиан Марцеллин неоднократно сообщает о дельных распоряжениях Констанция во время военных действий. Он свидетельствует: «И вот император, решив совершить действительно необходимое дело, выступил, как я сказал, в поход, прекрасно его подготовив» (*Amm. Marc.* XIX. 11. 4; XIV. 10. 12; 15; XVII. 13. 6). Историк пишет о заботе Констанция II о безопасности государства: «Хотя император имел сильнейшее желание подольше побыть в этом священнейшем месте, чтобы наслаждаться невозмутимым покоем и всеми радостями, его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рецию, квады на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию. Встревоженный этими вестями, Констанций покинул город на тридцатый день по прибытии туда» (*Amm. Marc.* XVI. 10. 20; XV. 8. 1–6; XIX. 11. 17). Аммиан не забывает о его победах над пограничными народами: «И вот... император собрал значительные военные силы и... отправился в поход. Дойдя до удобного пункта, он приказал навести мост на судах на реке Истр... Переправившись, император начал разорять земли варваров. Быстрота нашествия застала их врасплох... Не смея даже отдохнуть, не то чтобы выступить против, они рассыпались, чтобы избежать неожиданной гибели, и бросились в бегство. Большинство, однако, было перебито» (*Amm. Marc.* XVII. 12; 13.11; 24; XIX. 11. 15; XX. 11. 32). Историк сообщает о вполне справедливых судебных разбирательствах: «Среди последующих событий... были и такие, которые нельзя не признать вполне благоприятными, когда кара постигала людей действительно виновных, или же падали пустые и ни на чем не основанные обвинения» (*Amm. Marc.* XV. 2. 9), без которых в тогдашней политической обстановке было не обойтись: «ни один разумный человек не станет порицать

того, что эти дела вызывали строгие розыски. Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами. Для большей ее обеспеченности в делах, где защищается от оскорбления священная особа императора, Корнелиевы законы не допускают освобождения от сысков, хотя бы и кровавых, ни для кого» (*Amm. Marc.* XIX. 12. 17)¹⁵. Оказывается, что Констанций обладал не только пороками, но и добродетелями, в частности не допускал засилья военных в провинциях, хотя был чрезвычайно заботлив в деле содержания армии, проводил очень разумную кадровую политику (*Amm. Marc.* XXI. 16. 1–7; XVI. 10. 10–14), пользовался расположением народа (*Amm. Marc.* XXI. 11. 2). Он старался украсить города новыми постройками, библиотеками, церквями, портиками, фонтанами, обелисками, оборудовал удобный порт для Антиохии (*Amm. Marc.* XVI. 10. 17; XVIII. 9. 1; XXI. 16. 15; *Lib. Or.* XI. 263–264)¹⁶.

Таким образом, при внимательном и непредвзятом чтении «Деяний» оказывается, что Констанций II был не таким уж плохим правителем, а Аммиан Марцеллин – серьезным историком.

Принятые сокращения

ВВ – Византийский временник.

Amm. Marc. – *Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод по изд.: *Аммиан Марцеллин. Римская история* / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1996.

Lib. – *Libanii. Opera* / Rec. R. Foerster. Bd. 1–4. Lips., 1903–1908.

Примечания

- ¹ *Teitler H.C.* Ammianus and Constantius. Image and Reality // *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus* / Ed. by J. den Boeft, D. Den Hengst, H.C. Teitler. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 1992. P. 117.
- ² *Pauw D.A.* Ammianus Marcellinus and Ancient Historiography, Biography and Character Portrayal // *Acta Classica*. 1979. Vol. 22. P. 121–125.
- ³ *Tränkle H.* Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber // *Antike und Abendland*. Bd. 22. 1962. S. 22–23; *Demandt A.* Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1965. S. 99.

- ⁴ *Pauw D.A.* Methods of Character Portrayal in the “Res Gestae” of Ammianus Marcellinus // *Acta Classica*. 1977. Vol. 20. P. 182; *Idem.* Ammianus Marcellinus and Ancient Historiography... P. 129.
- ⁵ *Rosen K.* Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg: Inaugural-Dissertation, 1968. S. 5.
- ⁶ *Kelly G.* Constantius II, Julian, and the Example of Marcus Aurelius (Ammianus Marcellinus XXI, 16, 11–12) // *Latomus*. 2005. T. 64. F. 2. P. 410.
- ⁷ *Blockley R.C.* Constantius Gallus and Jullian as Caesars of Constantius II // *Latomus*. 1972. T. 31. Fasc. 2. P. 438.
- ⁸ *Gimazane J.* Étude sur le quatrieme siècle. Ammien Marcellin, sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889. P. 320; *Dautremere L.* Ammien Marcellin. L'étude d'histoire littéraire. Lille: Le Bigot Frères dans Travaux et Mémoires de l'Université de Lille, 1899. P. 115; *Thompson E.A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1947. P. 125; *Laistner M.L.* The Greater Roman Historians. Los Angeles: Univ. of California Press, 1947. P. 158–161; *Conduché D.* Ammien Marcellin et la mort de Julien // *Latomus*. 1965. T. 24. Fasc. 2. P. 379; *Удальцова З.В.* Мирозозрение Аммиана Марцеллина // *ВВ*. 1968. Т. 28. С. 39; *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxf.: Clarendon press, 1968. P. 94–96; *Momigliano A.* The Lonely Historian Ammianus Marcellinus // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Classe di Lettere e Filosofia*. Vol. 4. № 4. Pisa, 1974. P. 1405; *Jacob-Karau L.-U.* Warum Ammian-Forschung heute? // *Klio*. 1976. Vol. 58. S. 95–96; *Sabbah G.* La méthode d'Ammien Marcellin: Recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae. P.: Les Belles Lettres, 1978. P. 255; 403; *Matthews J.F.* Ammianus Marcellinus // *Idem.* Political Life and Culture in Late Roman Society. L.: Variorum Reprints, 1985. P. 1118; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 119.
- ⁹ *Thompson E.A.* Op. cit. P. 72; *Athanassiadi-Fowden P.* Julian and Hellenism: an Intellectual Biography. Oxf.: Clarendon press, 1981. P. 78; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 119; *Kelly G.* Ammianus Marcellinus the Allusive Historian. Camb.: Cambridge Univ. press, 2008. P. 255; *Dmitriev S.* “Good Emperors” and Emperors of the Third Century // *Hermes*. 2004. Bd. 132. H. 2. P. 214.
- ¹⁰ *Blockley R.C.* Op. cit. P. 452.
- ¹¹ *Matthews J.F.* The Roman Empire of Ammianus. L.: Duckworth, 1989. P. 34.
- ¹² *Tougher S.* Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: a Split Personality? // *Greece and Rome*. 2000. Vol. 47. № 1. P. 98, 100.
- ¹³ *Thompson E.A.* The Historical Method of Ammianus Marcellinus // *Hermathena*. 1942. № 59. P. 47.
- ¹⁴ *Morley N.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality by T.D. Barnes // *The Classical Review*. 2000. New Series. Vol. 50. № 1. P. 86; *Mellor R.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality by Timothy D. Barnes // *The Classical World*. 2000. Vol. 93. № 5. P. 551.
- ¹⁵ *Matthews J.F.* The Roman Empire of Ammianus... P. 34.
- ¹⁶ *Henck N.* Constantius ó Φιλοκρίστης // *Dumbarton Oaks Papers*. 2001. Vol. 55. P. 280–302.